

НАША СТРАНА

Год издания—44-ый. Буэнос Айрес, суббота 27 июня 1992

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 27 de junio de 1992

№ 2186

Сергей Волков (Москва)

ОТНОШЕНИЕ К БЕЛОМУ ДВИЖЕНИЮ

Более семи десятилетий назад, в годы великой русской смуты, патриотическое движение, вставшее за сохранение целостности страны, в защиту российской государственности, получило наименование „Белого“. Белое движение, боровшееся под лозунгом „За Великую Единую и Неделимую Россию“, претерпело тогда поражение, но оставило в истории образцы высокой доблести и преданности отечеству. Ситуация последних лет, вновь поставившая на повестку дня вопрос о судьбе страны, заставила вспомнить о людях, пытавшихся спасти Россию много лет назад и определить к ним свое отношение. Ибо отношение к Белому движению — это отношение к патриотизму и в нем, как в зеркале, отражается вся гамма политических оттенков действующих в стране сил. Поэтому представляется довольно любопытным проследить с этой точки зрения, как менялось отношение к Белому движению и его участникам за последние десятилетия и какова его оценка различными политическими силами в настоящее время.

Известно, что в 20-30-е годы, когда силы зла царствовали безраздельно, и антироссийская истерия составляла основное содержание советской идеологии, не было более ненавистного образа, чем „белогвардеец“, с которым связывались все мыслимые пороки и который имел в обществе две ипостаси: отплетого злодея и карикатурного идиота. Булгаковские „Дни Турбинных“ — единственное явление своего рода, воспринимались как эпапаж и были разрешены в порядке исключения лишь на одной московской сцене.

С присвоением в ходе войны большевиками золотых погон отношение к белогвардейцам ничуть не улучшилось (те, кого удавалось захватить в Восточной Европе и Китае, тут же расстреливались или в лучшем случае отправлялись в лагеря), но как образ врага белые отшли на задний план, заслоненные немцами. Тема Гражданской войны потеряла актуальность (да и несколько неловко было воспевать рубку „золотопогонников“, нацепив такие же погоны); характерно, что на десятилетие совершенно прекращается фабрикация кинофильмов о Гражданской войне: последний был создан в 1942 году, а следующий появился только в 1954-м. Резко поубавилось и число соответствующих липподелок.

„Второе дыхание“ обрела эта тема в период хрущевского правления (которое явилось как бы повторением в виде фарса вакханалии первых послереволюционных десятилетий), когда „шестидесятическая“ шушера бросилась воспевать „истинных ленинцев“. Если в конце 20-х годов ежегодно появлялось 2-4 таких фильма, то в 1956 году их было создано 5, в 1957 году — 7, 1958 — 9. В последующие пять лет этот поток резко ослабел, но во второй половине 60-х годов последовал новый всплеск (1965 год — II, 1966 — 4, 1967 — II, 1968 — I2, 1969 — 7, 1970 — 15 фильмов). Затем производст-

во кинокартин о Гражданской войне стабилизировалось на уровне примерно трех в год, а с конца 1970-х годов почти совершенно прекратилось (за 1978-1985 годы появилось лишь 3 таких фильма). Все они, разумеется, как и беллетристика того времени, прославляли красное воинство и поносили белое. В этом смысле никакой принципиальной разницы с довоенной ситуацией не было.

Однако с конца 60-х годов, когда страх перед возможными расстрелами постепенно стал проходить, а интенсивность идеологической обработки понизилась, в культурной среде, не чуждой патриотизма, стало пробуждаться некоторое смутное ощущение того, что белые боролись в общем-то за их дело. Стали проявляться, и все более откровенно, симпатии к Белому движению и высокая оценка его участников, и в некоторых кругах подобные настроения стали считаться хорошим тоном. На этом фоне стало возможным появление ряда фильмов (например, „Бег“, „Служило два товарища“, „Красная площадь“), дающих образы белогвардейцев вполне „очеловеченные“ и даже вызывающие симпатии. И хотя появлялись картины совершенно в довоенном духе („Расплата“, „Победитель“, „Неуловимые мстители“ и т. п.), но стереотип белогвардейца в массовом сознании претерпел некоторые изменения. Если люди старшего поколения в основном по-прежнему однозначно воспринимали белых как врагов и недоумевали, видя в фильме о Гражданской войне вполне приличного человека в погонах, то молодое поколение выносило впечатление, что белые офицеры — люди, хотя и „не наши“, но благородные и хорошо воспитанные, а были среди них и просто по настоящему положительные типы, способные подняться до осознания своей неправоты, вины перед отечеством и т. д.

Особенно необычным был в начале 70-х телесериал „Адъютант Его Превосходительства“, изобилующий положительными образами белых офицеров, а уж генерал Ковалевский (чтим прототипом был В. З. Май-Маевский) смотрелся и вовсе изумительным человеком. Даже „Правда“ (30-8-1981 год) писала, что „по-человечески он очень симпатичен зрителю — доброта и чуткость, старомодная деликатность выгодно отличают его... В нем превыше всего — преданность делу, а это всегда вызывает уважение... его не хочется видеть в стане врагов“. Да и когда по ходу действия красный шпион говорит сыну белого полковника, что тот может гордиться своим отцом, это должно было выглядеть для советского зрителя весьма непривычно. В последней телеверсии „Хождения по мукам“ наряду с рядом фантазий киношников, идущих как бы в русле развития ренегатской сути „третьего Толстого“, имеется несколько эпизодов, вызывающих симпатию к Добровольческой армии (чего стоит, например, сцена Ледяного похода, когда усталая колонна

добровольцев, по колено в грязи, вдруг преображается, запевая „Как ныне сбирается вещий Олег...“ А Корнилов и Деникин не лишены человеческих черт; так что, может быть, и вопреки желанию создателей впечатление создавалось весьма неоднозначное. В эти годы, кстати, приобретает большую популярность булгаковская „Белая гвардия“.

В 70-х годах наметилось заметное расхождение между официальной трактовкой Гражданской войны и ее пониманием в культурной среде. Как бы реагируя на это, советская пропаганда основным принципом сделала замалчивание реального хода событий и вообще белой борьбы, вплоть до навязывания мнения, что никакой Гражданской войны, по сути, и не было, а была „интервенция“ и „отечественная война“ против нее советского народа. Соответственно, о „белогвардейцах“ — как можно меньше, об „интервентах“ — как можно больше. Достаточно сказать, что в вышедшем в 1980 году первом томе „Гражданской войны в СССР“ (претендующем быть новейшим обобщающим трудом по теме) Корнилов назван лишь дважды, а Ледяной поход и вообще вся война на Северном Кавказе до лета 1918 года даже не упоминаются! Гражанская война начинается с „чехословацкого мятежа“, то есть весь наиболее знаменитый героический период Белого движения, считавший его символом, начисто вычеркнут из памяти.

Несмотря на отдельные исключения (типа отмеченных выше), „подача“ Гражданской войны в литературе и искусстве (наиболее эффективных формах массовой пропаганды) в 70-80-е годы не изменилась. Все то же безудержное восхваление „всадников революции“, „красных героев“. Газеты пестрили заметками об открытии им памятников, издании апологетических книг альбомов, восторженными рецензиями на пьесы типа „Против течения“ М. Азова и В. Михайлова в московском ТЮЗе и романы вроде „Красавица Амга“ С. Данилова (В. Чукреев в „Литературной газете“ номер 26 за 1982 год). Рецензии эти обычно декларировали предельно враждебное отношение к белым и были полны вульгарной ругани по их адресу. Антибольшевицкие формирования именовались не иначе, как „белые банды“, а составлявшие их люди — „белогвардейские наполеончики“, „колчаковские бандиты“ и т. п. Такая же терминология употреблялась и в статьях, публикуемых к юбилеям отдельных событий Гражданской войны (типичный пример, скажем, статья В. Колычева в „Правде“ 12-02-1982 года о штурме Волочаевки „Этих дней не смолкнет слава“).

Встречались и полные аналогии практике 20-х годов. Старый певец ВЧК В. Ардаматский продолжал разоблачать „прихвостней мирового капитала“ из „царских офицеров“, а в журнале „Юность“ (номер II за 1982 год) публиковалась повесть С. Абрамова „Странники“, где белые офицеры ха-

рактеризовались как пьяницы, бандиты, злодеи и просто „гады“, а их современными духовными наследниками выводились какие-то хулиганы из подворотен. Впрочем в советских „научных“ трудах оценка давалась сходная. В советских энциклопедиях Добровольческая армия иначе как „грабь-армией“ не называется, а в Военной энциклопедии есть еще даже специальная статья (довольно искусственная) „офицерские части“, где говорится, что офицеры-то и были наихудшими злодеями и грабителями.

Хотя в целом „белогвардейская“ тематика в начале 80-х годов занимала в советской печати неизмеримо меньшее место, чем в предшествующие десятилетия, но наиболее ретивые бойцы идеологического фронта по собственной инициативе стремились привлечь к ней внимание. Специализировавшийся на прославлении „революционных демократов“ Ф. Кузнецов (ныне директор ИМЛИ) разразился, например, большой статьей в „Правде“ („Силой художественного слова“ — 18-02-1983 года), где напомнил потерявшему бдительность советскому народу, что „белогвардейское направление“ не менее опасно, чем прославление западного капитализма.

Если на уровне личных качеств какое-то „послабление“ белым еще допускалось, то в плане идеально-политическом все эти годы не могло быть ни малейшего отступления от нормативов; что-что, а позиция их осуждалась бескомпромиссно. Вознамерившийся писать книгу о Гражданской войне модный тогда писатель Б. Васильев (написавший, кстати, неплохой роман о русско-турецкой войне 1877 года), отвечал на вопрос о ней следующим образом („Литгазета“ номер 7 за 1982 год): „Почему меня так увлекла эта тема? Да потому, что мне порой кажется, что некоторая часть молодежи стала забывать, откуда все мы, о наших корнях, о святых людях, которые отдавали жизни во имя будущего, защищали его. Белые сражались за вчерашний день, а красные — за звяграшний! Мне хочется „влюбить“ читателей в моих героев, чтобы сильнее забилось сердце...“ (приведенное высказывание особенно любопытно в свете того, что этот человек, озабоченный воспитанием молодежи на большевицких идеалах, чуть позже заявил себя одним из „прорабов перестройки“, „борцов с режимом“).

Возражать было невозможно, никто этого, понятно, и не делал. Можно было, максимум, похвалить какого-нибудь автора за то, что у него „натуры всех этих офицеров и генералов не примитивны — тем значимее оказывается подвиг героев, сумевших одержать победу над ними“ (так говорится в одной из рецензий на роман И. Еленина „Семь смертных грехов“, который, в общем-то представляет собой гнуснейшую карикатуру на Белое движение). Или, напротив, разругать какую-либо особо глупую подделку за дурной вкус, „упрощение“ (одна из та-

ких рецензий на повесть некоего А. Херсонского, изобилующую в отношении врагов революции выражениями типа „тайники черной души”, была напечатана, например, в номере 16 „Литгазеты” за 1983 год). Допускалось еще похвалить фильмы типа „Адъютант Его Превосходительства” за „объективность” и осудить фильмы типа „Победитель”, подчеркнув, что довольно уже изображать белых в карикатурном плане — как дураков, неумех, растряп и т. д. Своебразной формой проявления симпатии к белым иногда могло служить обнародование мимоходом факта о связи с Белым движением какого-либо любимого и авторитетного в культурной среде писателя (для многих была, например, откровением публикация воспоминаний первой жены М. Булгакова с упоминанием о его службе в Белой армии).

Первые годы „перестройки” внесли мало нового в отношение к Белому движению. В 1987 году как характерный для Гражданской войны документ публиковалось письмо бывших офицеров, служащих в Красной армии с подтекстом „не все офицеры — враги народа” („Известия” 10-10-87 года), а в „юбилейных” статьях о февральской революции и корниловском выступлении не было обычных эпитетов и ругани, но написаны они были с совершенно советских позиций. Разве что С. Залыгин в романе „После бури” позволил себе слишком много того, что в Совдепии называлось „объективностью” (в рецензии на роман А. Гулыга, между прочим, писал, что герой его „видел, пережил гибель белой армии, вот почему он зря может представить себе гибель человечества”). Трактовка трагедии Белой армии как катастрофы уже несколько посягала на политический норматив.

С 1989 года в популярной периодике довольно часто стали появляться статьи, авторы которых в политическом плане стремились демонстрировать „беспристрастность”. Обнародовались неприятные для коммунистов детали и факты. В ряде случаев прямо намекались, что революция ничего хорошего не принесла (откуда должен был следовать логический вывод о том, что те, кто против нее боролись не были столь уж плохи и неправы). Но ругать Октябрьскую революцию еще считалось крамолой. И со страниц „Огонька” (номер 36) последовала гневная отповедь врагам революции В. Миллера. Он солидаризировался с известным современным большевистским историком Г. З. Иофе и обрушился на две тенденции: „неомонархическую” и „неовеховскую”, неолиберальную, проявившихся по его мнению в публикациях последнего времени. В конце года публикации эти, особенно в патриотических изданиях, стали еще более определенны. В „Московском литераторе”, например, было сказано (13-10), что „подлинная история Гражданской войны до сих пор скрыта в секретных архивах, потому что это была война большевицких лидеров с собственным народом”, а 20-го октября в „Литературной России” появилась весьма благожелательная статья о Врангеле С. Рыбаса.

В 1990 году публикаций становилось все больше. Восхваление красных практически исчезло, на смену ему пришли откровения (и в „демократической” и в „патриотической” печати) о разгоне Учредительного собрания, об Ижевском восстании, о зверствах Троцкого и т. п. В „Литгазете”, (5-12) появилась большая статья о Деникине Д. Волкогонова, где автор от генерала откращивался, но признавал, что тот был „большой патриот России” — позиция, типичная для тех месяцев (хотя „без лести преданные” идеалам большевизма и всю жизнь его пропла-

гандировавшие историки типа В. Логинова, Ю. Полякова, В. Поликарпова продолжали осторожно защищать красных вообще и красный террор в частности).

К этому времени ругать красных стало уже вполне обычным, но хвалить белых еще не принято. Публикации такого рода (в том числе и моя книжка „На углах великого пожара”, вышедшая летом 1990 года) характеризовались все еще как „нетрадиционный подход к Белому движению”. Когда К. Раш в статье „Литургия верных” („Литературная Россия” номер 34) упомянул о „крестном пути русского воинства в донских степях и на сибирских равнинах”, „витязях белой мечты”, „заложивших нравственный чистый заряд на новое русское тысячелетие”, о том, что „с белыми полками уходило лучшее, что выработала православная Русь веками усилий”, то при перепечатке этой статьи в военных изданиях, где Раш — любимый автор, все такие места, где речь шла о Белой армии, были выброшены. Журнал „Юность”, посвятивший Гражданской войне весь свой 11-й номер, демонстрировал полный „нейтралитет”, в равной пропорции помещая материалы той и другой стороны.

С начала 1991 года о зверствах большевиков (в подавлении Кронштадтского восстания, крестьянских восстаний в Сибири и Томбовской губернии и в других случаях) было уже написано довольно много (самая массовая газета „Труд”, например, публиковала такие материалы 7-02-, 29-03 1991 года), и в их облике не оставалось сомнений. Казалось бы, будет сделан логичный вывод, что те, кто им противостоял, — и есть подлинные „герои Гражданской войны”. Однако этого не произошло и на сию пору. Всеобщая атмосфера однозначного отрицания красных не сопровождалась столь же однозначным признанием белых. В целом, хотя отдельных исключений хватит, закрепилась тенденция, сложившаяся к 1990 году: „красных ругать, но белых особо не хвалить”. Как бы не противоречило это здравому смыслу (как-никак, если осуждается советский режим и декларируется симпатия к старой России, что присутствовало в это время и в „демократической”, и в „патриотической” печати, то как же не определиться между теми, кто воевал за хулиганство и теми, кто — за хулиганство?), но это было так. Даже в мае 1991 года, после всех антикрасных публикаций, заметка в „Труде” о созданном в Омске клубе „Белая гвардия” заканчивалась словами: „Вот такая странная ностальгия...” (хотя, вроде бы, что тут странного после всего, что стало известно о большевиках).

ПИСЬМО ИЗ РОССИИ

ХРАМ БОГОЯВЛЕНИЯ (1673 г.)

Вам пишет из Рязани священник Российской Православной Свободной Церкви иерей о. Максим.

Пишу вам так как хорошо знаю вашу газету, основанную И. Л. Соловьевичем и так как рекомендовал вам написать А. В. Михальченков.

По благословению нашего Владыки Лазаря архиепископа Тамбовского и Обоянского наш маленький приход стремится открыть действующий храм. Мы, зарегистрировавшись в органах госвласти, обратились с просьбой передать нам церковь. Власти пошли навстречу и официально (документально) передали нашему приходу церковь Богоявления (1673 года) на окраине города Рязани в поселке Борки. За годы жестоких гонений и забвения и наша церковь сильно пострадала.

Нам необходима большая финан-

Причина этому — та же, что и всей нашей противоестественной и трагической для России политической ситуации, которую отношение к Белому движению идеально отражает. Если „демократическая” печать его замалчивает, чтобы не хвалить, то „патриотическая”, находящаяся под влиянием национал-большевизма, норовит поставить его на одну доску с красными.

Почему так поступают демократические круги — понятно. Они вынуждены были поносить своих духовных предшественников — красных, потому что без этого им невозможно было настроить население против партийного режима, который они сочли своевременным заменить „демократической диктатурой” и который являлся в „организационном” смысле также прямым наследником большевиков. Но признать и воздать должное белым они тоже не могли, ибо белые были прежде всего патриотами и боролись за то, что нашим „демократам” более всего не навистно — за величие и целостность России. И как бы для них не было нелогичным не признать боровшееся с тем же партийным режимом 70 лет назад Белое движение (в котором были ведь и кадеты и все прочие тогдашние демократы) но еще более нелогичным было бы для них солидаризоваться с защитниками российской государственности, на разрушение которой они затратили столько сил (и что было их главной целью).

Потому и после победы „демократов” реабилитируются все, кто угодно — только не жертвы красного террора, восстановливается память приконченной своими же сообщниками „старой ленинской гвардии” — но не о белых воинах. Восстановлены в правах (данных им большевиками за содействие в уничтожении во время Гражданской войны русских патриотов) горские народности Кавказа — но далеко еще до „реабилитации” и восстановления в правах казачества (за счет которого и в 20-х годах и сейчас все это делалось и делается). Казалось бы, коммунизм мертв, тут бы и воздать почести первым борцам против него — а вот поди ж ты... Более того, после взятия власти, когда необходимость в критике красных отпала, все явственнее проявляется тенденция и в „демократической” прессе сворачивания разоблачительной противобольшевицкой (в отношении „старых” большевиков) кампании. И уже не удивляешься, встречая в январе в официозной „Российской газете” статью, где утверждается, что красные и белые одинаково плохи. Главная цель расчленения страны: не допустить, чтобы красных сменили белые, успешно осуществляется.

совая помощь, чтобы спасти православную святыню. Фотографии и документы А. В. Михальченков должен переслать в Синод.

А на днях я был в Москве и познакомился с игуменом Иулианием из Чили (Сантьяго, Успенский женский монастырь). И я с ней передал для вашей газеты и для всех православных русских людей фотографии, переданной нашему приходу церкви.

На чужбине нашей Церкви приходится нелегко. Но все-таки мы со слезами просим помочь нам если можно, просим откликнуться на нашу мольбу мирян православных.

Название нашей общины: Приход Святителя Василия Рязанского Российского Православного Братства преподобного Иова Почаевского. (А председатель Братства — А. В. Михальченков).

Мой адрес: 390035 — г. Рязань, ул. Полетаева, д. 33/67, кв. 14.

Помоги вам Господь в вашем правом деле. Молимся о вас. С любовью во Христе!

Священник о. Максим Зуев (Рязань)

Если для этой среды белые и красные одинаково плохи, то для национал-большевизма они вроде как „одинаково хороши” (и те и другие русские люди и т. д.). Излишне говорить, насколько кощунственно ставить на одну доску русских людей, сражавшихся за Россию и русских людей, воевавших (пусть и по недоразумению, будучи обманутыми и т. п.) за интересы 3-го Интернационала. Однако же в значительной части патриотической печати, находящейся под влиянием национал-большевизма (для которого жизненно необходимо совместить несовместимое, в этом его суть), эта линия видна довольно отчетливо. Типичен для нас, например, публиковавшийся в „Нашем современнике” роман С. Алексеева „Крамола”. Когда послышались призывы установить памятник „и белым, и красным”, то сначала можно было подумать, что речь идет о попытке в условиях сохранения коммунистической идеологии хоть как-то воздать должное белым, но вскоре стало ясно, что за этим стоит принципиальная концепция „равной вины”.

И без того освобождаться от советского стереотипа было тяжело. До статочно сказать, что, например, изданний не в 1980-м, а уже в 1990 году В. Шульгин („Дни”) вышел с махрово-красными комментариями Ю. В. Мухачева и предисловием Д. А. Жукова, подобострастным по отношению к Ленину и третирующим Белое движение как „широкий выбор антисоветчины — от монархической до демократической”. Тем более, что неразвитое массовое сознание характерно тем, что не способно соизмерять значение вещей и понятий. Допустим, для человека очевидно, что красные — грабители и бандиты, но достаточно ему показать, что белые тоже где-то кого-то расстреляли или у кого-то что-то отобрали, как следует реакция типа „а, эти тоже... так какая разница?”. И то, что белые боролись за Россию, а красные — за мировую революцию — уже забыто и как бы не имеет значения. (Это с горечью отмечал еще А. А. фон Лампе: „Когда уходили красные — население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось... Когда уходили белые — население со злой высыпало, что у него взяли...”).

Незнание реалий Гражданской войны, того, как формулировали тогда стороны свою „правду” создаст благоприятную почву для восприятия национал-большевицких интерпретаций. В стихах В. Федорова („Литературная газета” номер 46-1991 год), например, читаем (от лица белого офицера): „Поднимая взвод, я кричал: „Вперед, за Россию!“ И навстречу — взвод. И кричит: „Вперед, за Россию!“ Какое счастье, что не довелось прочесть это тем, от чьего лица написано стихотворение! Ведь ни одному из них никогда не доводилось слышать с противоположной стороны ничего подобного. Для красных „За Россию“ — было совершенно немыслимо, с той же вероятностью корниловцы и дроздовцы могли подниматься в атаку с пением „Вставай, проклятым заклейменный...“ Но ведь пишут же такое... может быть даже сами веря в эту чепуху потому, что хотят верить, что все было именно так.

Но так не было. И потому, до тех пор, пока белые по сути и смыслу программы патриотических движений (а цель их — возрождение России — стопроцентно белая и никакая другая!) будут пытаться кощунственно связывать с красным флагом разрушившей Россию банды — не достичь нам возрождения подлинной России, а пока она не восстановлена, нельзя ожидать и признания тех, кто ее боролся.

Сергей Волков

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЕЩЕ О БАТЬКЕ

Иные пишущие о батьке в сегодняшней России конечно не могли не набрехать хоть что-нибудь: с Гитлером у батьки никогда никаких связей не было, да он их и не искал. Он раз, мне кажется — в начале 39-го года послал, через министерство пропаганды, Гитлеру меморандум на 35-ти страницах, который был изумительным пророчеством того, что впоследствии произошло. В нем он писал что, если Германия пойдет в Россию как освободитель, ее встретят как друга. Если же она пойдет по стезям Розенберга, то тогда она подымет против себя весь русский народ, а из этого еще ни один вторженец в Россию живым не выходил. На меморандум, конечно, ответа не последовало.

Интересно, откуда берут свои данные пишущие о батьке? Иные статьи полны ошибок, хоть в большинстве и безвредных. Но ошибки ставящие Ивана Лукьяновича чуть ли не на службу у Гитлера, вредят больше чем помогают, статьи, явно направленные «на помощь».

Все те годы я провел рядом с батькой моим и ничего подобного тому не видел и не слыхал, у него фюрер шел на втором месте после Сталина. С «мемуарами» дело идет черепашьим шагом: я ведь не писатель совсем, хотя с меня это почему-то, по наследству, требуется. Батька мой писал и переписывал, выбрасывал и снова писал. Это тоже занимало массу времени, но он всегда знал, что пишет. Думал гораздо быстрее, чем писал. Всегда сравнивал себя с поросенком, который пытается бежать скорее, чем его ноги несут. Я же никогда не знаю о чем буду писать на следующей странице. Мучительно вспоминаю (а память у меня одна сплошная дыра...). Сверяю с теми немногими материалами какие есть, потом вычеркиваю и переписываю опять...

Я себе никак не могу составить представления о том, что творится сейчас в «Союзе». Почему бывшие партийцы все еще играют какую-то роль, повидимому даже довольно большую? Почему их всех не перевезли в первый же день последней революции? Как это сделали даже какие-то румыны? Почему так безропотно отдают Украину?

Я, как и батька, был противник всяких теорий «заговора»: «жидомасонов», «мирового еврейства» и т. п. Это все попытки сваливать наши собственные ошибки на, правда, не совсем безвинные головы. Пока мы не разучимся это делать — будем осуждены повторять наши старые ошибки. Евреи-евреями, но кто их проморгал? Как мы могли позволить кучке бердичевской шпаны так заворотить нам головы?!

Юрий Соловьевич (Роанок, США)

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ИММИГРАЦИЯ В АРГЕНТИНУ

Считаю необходимым объяснить вкратце ситуацию в Аргентине, в связи с разговорами о возможности иммиграции сюда. Президент Менем несколько раз говорил в своих речах о такой возможности в будущем, но пока что никаких конкретных законодательных мер в этом направлении не было принято. Были известия в газетах, что будет создана парламентская комиссия для изучения этого вопроса. До сих пор разрешение на въезд и на т. н. «резиденцию» (постоянное жительство) в Аргентине можно хлопотать только в аргентинских консульствах заграницей, в согласии со всеми законодательством по этому вопросу. Бегущие без такого разрешения с пароходов, или иным способом, считаются «нелегальными иммигрантами», и они должны проходить длинную и сложную процедуру хлопот, в результате которых им могут дать такое разрешение, или отказать в нем.

Желающим ехать в Аргентину необходимо знать, что в Аргентине тоже положение не легкое, во многих отношениях. Считаю своим долгом особенно предупредить против легкомысленной продажи своей недвижимой собственности в России, в надежде купить на вырученную сумму в Аргентине дом или квартиру. На 10 или 20 тысяч долларов здесь ничего купить нельзя. Одна комната с ванной стоит от 23 до 25 тысяч долларов, 2 комнаты с ванной от 28

до 40 тысяч. Это все цены в пригородах, а в самом центре Буэнос Айреса эти цены еще выше, на 20 процентов. Наем двухкомнатной квартиры стоит от 400 до 500 долларов в месяц в городе, а в пригородах от 300 до 400 долларов. Наем трехкомнатной квартиры стоит от 500 до 700 долларов. Одна местная газета недавно опубликовала следующую месячную смету расходов семьи из двух взрослых и двух детей: Квартира 422 доллара, транспорт 66 долларов, продукты для гигиены и чистки 21 доллар, продовольственные продукты 145 долларов, фрукты и овощи 157 долларов и аптека 19 долларов. Всего 830 долларов в месяц. Медицинская страховка в этой смете не учтена, так как ее вычитывают прямо из жалования. Заработка плата в месяц: чернорабочего 340 долларов, квалифицированного рабочего 610 долларов, чертежника 550 долларов, специалиста по компьютеру 1020 долларов. Никакие заграничные университетские дипломы здесь не действительны, надо передавать все экзамены. Надеяться на помощь государства не приходится, тем паче приезжающим иммигрантам. Русская эмиграция тоже не обладает большими материальными возможностями и очень часто сама нуждается в помощи, особенно старшее поколение. Богатых эмигрантов здесь весьма мало. Многие живут с трудом на пенсию, которая здесь в случае 80 процентов равняется 150 долларам.

М. Климов (Аргентина)

ПЕЧАТЬ

ПОЛУПРАВДА

«Русская Мысль» от 15 мая с. г. перепечатала из московской «Панорамы» № 31 статью А. Верховского «Васисуалий Лоханкин и очередная русская революция».

В ней наше внимание привлекает следующий параграф: «Националь-патриоты в чистом виде, представленные власильевской «Памятью» или «Наши Современником», имеют мощную идеологию — реставрации православной самодержавной монархии. Но за этой идеей не идут и не пойдут в скором времени большие массы людей».

Вот насчет последней фразы позволим себе выразить кое-какие сомнения. Кто точно знает желания масс по всей стране? Кто их проверял?

И потом отметим оговорку автора: «в скором времени». Весьма вероятно, что в более-то отдаленном массы как раз за этой идеей и пойдут; если не сегодня, то завтра. В чем Верховский прав, это, — что она **мощная**. И притом простая. А массам, понятно, нужно время, чтобы целиком очухаться после многолетнего одурманивания их большевиками.

Однако, такие процессы идут довольно быстро. Посмотрим на Румынию и Албанию, где сперва коммунисты, казалось, сохранили вес, даже после смерти Энвера Ходжи и падения Чаушеску; но к настоящему моменту уже целиком потеряли.

СПЛЕТНИ

В том же номере под унылым и скучно длинным заглавием «Одна ошибка и 24 года «Покоя» без «Света (1913-1940, 1946-1953)», С. Иоффе рассказывает:

«Лет десять тому назад я наткнулся у Алексея Толстого в одном из его произведений на хитро сформулированное объяснение «опалы» Анны Ахматовой в 1922-23 году. А. Толстой в этом отрывке усиленно наме-

кал, что Ахматова как-то встретилась с Троцким и тот оказал ей материальную помощь. Сформулировано это было А. Толстым так иносказательно, что я бы не удивился, если бы оказалось, что Ахматова еще и переспала с Троцким. Дело ведь тут простое и житейское, а у Ахматовой, и в этом нет ничего странного, был большой список известных нам любовников и даже любовниц. И наверняка были еще и неизвестные».

Мы не принадлежим к числу фанатических поклонников творчества Ахматовой и не восхищаем ее моральными свойствами. Но здесь, полагаем, мы имеем дело с ни на чем не обоснованными сплетнями. Любопытно, что Иоффе так и не называет «произведения» А. Толстого, откуда он почерпнул сии сведения (а уж это полагается литераторуведу непременно делать).

Дальнейшие его попытки превратить Ахматову в убежденную ленинистку еще менее того убедительны. Да и другие его гипотезы и построения производят впечатление искусственных и выглядят непрочными зданиями из песка.

УМЕР ВЕЛИКИЙ ПАН!

В журнале «22» № 80 В. Богуславский, в статье «Заметки к полемике» (речь идет о возражениях Д. Хмельницкому по вопросу об еврейском национальном самосознании), высказывает следующие мысли:

«Человечество (на сегодня!) разочаровалось в социализме. Коллизия выглядит легким фарсом. Мало ли в чем бывали разочарования — в фокстроте, в шимми, в шляпках с вуалью, в мушках на левой щеке. В данном случае все гораздо грустнее, скучнее, трагичнее в конце концов. Разочаровалось... Придуманная социальная система оптимального общества оптимально придуманных людей оказалось живым людям ненавистна, нетерпима, отвратительна».

Умные речи приятно слушать!

В. Р.

русском переводе названный «Слепящая тьма», а во французском "Le zéro et l'infini", то есть «Ноль и бесконечность» он зачем-то именует... «Свет среди дня» (?).

В целом, баловень советского режима, хитрит и извивается, а его интерьюер, очень хорошо осведомленный и весьма неплохо понимающий Россию, его настойчиво припирает к стене меткими вопросами.

Противно, в особенности, читать то место интервью, где Евтушенко оправдывает «зверское убийство царя и его семьи большевиками» тем, что мол «на руках царя тоже лежала кровь рабочих, которые шли к нему с петицией, убитых в 1905 году».

Впрочем, от этого перевернется, — чего ж было и ждать? У него репутация вполне определенная.

Аркадий Рахманов

ЯЗЫКОВЫЕ УРОДСТВА

МУССОЛИНОВСКИЙ

В «Вече» № 45 опубликована беседа Е. Евтушенко с японским литератором Х. Кимурой.

В ней советский поэт упоминает про «муссолиновский» режим. Вождя итальянского фашизма звали Муссолини, а не Муссолин. Следовательно и прилагательное от его фамилии, по законам русского языка, может звучать только как **муссолиневский**.

Евтушенко тут вообще, словно нарочно, щеголяет невежеством. Всемирно известный роман А. Кестлера "Darkness at Noon" (буквально «Тьма в полдень»; в

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Рыбаков. «Страх» (Москва, 1990)

Название нового романа Рыбакова, — являющегося продолжением двух предшествовавших, «Дети Арбата» и «Тридцать пятый год», — выбрано как нельзя более удачно. Действительно, страх царил над Россией времен ежовщины, давил всех и все, проникал повсюду, насыщал атмосферу...

В чем и убеждается герой книги, Саша Панкратов, возвращаясь из ссылки. Но замечает он и другое. Об арестуемых партийцах, надавших начальниках, господах жизни, объявленных теперь «врагами народа»: «Говорилось без злобы, но и без сожаления, без злорадства, но и без сочувствия». Оно и не диво. Тут же добавляется: «Разорили русский народ, а деревню уже давно разорили». Это народ и запомнил.

Саша теперь, по сравнению с прежним, поумнел. Он понимает, что надо спасаться, укрываться; чтобы с успехом и делает. Но что корень зла в советской власти в целом, в коммунистическом режиме, начиная с революции, — до уразумения этого ему еще далеко.

Как и другим персонажам его типа: Нине, Максиму, тем более Алевтине Федоровне. Правильно понимает вещи очаровательная Варя, — самый привлекательный

образ во всей эпопее, и один из самых ярких. Она без колебаний и сомнений знает, что от правительства, от большевиков, от чекистов, — добра не жди. Когда ее сестру, Нину, хотят арестовать, она находит для той единственный возможный выход, — бежать подальше от Москвы, в провинцию, на окраину, на Дальний Восток, — и все устраивает, чтобы ту спасти.

Варя вот и для меня, автора рецензии, самый близкий иозвучный образ: она представительница той подсоветской молодежи, среди которой я вращался, которую знал и к которой принадлежал. Мы в марксистские идеалы не верили; потому нам было и тяжелее, чем верившим, мириться с окружающим. Зато и разочарований, таких как тем, нам переживать не приходилось.

А таким вот, как Нина, тяжело доставалось, когда строй, который они считали своим, их отвергал и предавал!

Характерен диалог между двумя сестрами:

Нина: Я не могу убегать от своей партии.

Варя: Ты не от партии убегаешь, ты от пули в затылок убегаешь.

А немного раньше, и еще энергичнее: «Партийный учет! Плевать! Ничего с твоей партией не случится!»

Действие развивается динамично, по многим различным линиям. У каждого из персонажей, — уже знакомых нам по прежним частям, — своя судьба и своя психология. Автор управ-

ляет ими с немальным мастерством, равномерно к каждому возвращаясь.

Некоторые нити, — и как раз очень интересные, но покамест лишь бегло намеченные, — уводят нас за границу. Одна из них, — участь Вики, советской девушки с сомнительным прошлым, вышедшей замуж за иностранца. Жаль, что имя ее супруга, Charles, упорно раз за разом пишется тут без s на конце.

Шарль, французский журналист правого лагеря, подан, в общем, с симпатией. Но когда он выражает мнение (не знаем, свое или автора?) о «коммунистах и тех, кто близок к ним», то весьма ошибается: «Ромен Ролан, Луи Арагон, Мальро и многие другие. Это талантливые, но очень недалекие, наивные люди». Наивностью они никак не отличались, а умело соблюдали свою выгоду. Арагон, в частности, женатый на русской еврейке, о положении дел в СССР был осведомлен отлично.

Юра Шарок работает под руководством Шпигельгласа, подлинной личности, игравшей видную роль в деятельности советской агентуры на Западе. Но и тут французский язык в книге (по вине ли писателя или типографа?) не на высоте. Когда два путешественника заказывают себе в отеле: "Deux lits une place", то вполне естественно, если: «Портые растерялся». Мы бы и сами не без труда угадали смысл, не будь налицо сноски: «Две односпальные кровати».

Шарок и Вика, с разных сто-

рон, приходят в контакт со зловещей парой, Скоблиным и Плевицкой.

Рыбаков об этих последних высказывает свою оценку, расходящуюся с обычной в эмиграции.

Скоблин представлен как посредник между Шпигельгласом и Гитлером в деле изготовления фальшивых документов, предназначенных компрометировать Тухачевского и связанных с ним крупных военных; причем один из главных, движущих им мотивов, это — зависть к Тухачевскому. Особняком стоит в повествовании фигура Сталина, обрисованного как прежде в виде свирепого восточного тирана, всякое сопротивление с которым для рядовых людей опасно.

Остается пожалеть, что к роману присобачено несимпатичное послесловие Л. Аннинского, твердящего quantum satis, что во всех ужасах сталинского режима виноват де русский народ, заслуживающий строгого наказания за свою якобы любовь к despota.

История показала между тем ясно, что деспотов (и, в частности, коммунистических), когда они у власти, столь же сильно любили (или и посейчас любят) на Кубе и в Албании, во Вьетнаме и в Румынии, не говоря уж о Германии, где орудовали сперва Гитлер, а потом Хонеккер. Зачем винить народы, между собою очень разные, — и отводить упрек от компартии, которая везде одинокова?

Владимир Рудинский

Среди книг

НА СЛУЖБЕ У ВЕЛЬЗЕВУЛА

Переизданная сейчас, в 1989 году, в Москве, книга «Сочинения барона Брамбеуса», О. Сенковского, современника Пушкина, содержит повесть «Большой выход у Сатаны», в котором приставленный к журналистике бес Бубантус делает своему повелителю такой доклад:

«Имею честь донести вашей нечистой силе, что, стараясь распространять более и более владычество ваше между родом человеческим, для удобнейшего запутания означенного рода в наши тенеты, подведомых мне журналистов разделил я на всей земле на классы и виды и каждому из них предписал особенное направление. В одной Франции учредил я 4 класса журналистов, не считая пятого. Первый класс назван мною журналистами движения, второй — журналистами сопротивления, третий — журналистами уклонения, четвертый — журналистами возвращения. Пятый именуется среднею серединкою. Одни из них тащат умы вперед, другие тащат их назад, те тащат направо, те налево, тогда как последователи средней средины увертываются между ними, как бесхвостая лиса, — и все кричат, и все шумят, все воплют, ругают,

страшат, бесятся, грозят, льстят, клевещут, обещают; все предвещают и проповедуют бунты, мятежи, бедствия, кровь, пожар, слезы, разорения: только слушай да любуйся! Читатели в ужасе, не знают что думать, не знают чему верить и за что приняться: они ежесменно ожидают гибельных происшествий, бегают, суетятся, укладывают вещи, прячут пожитки, заряжают ружья, хотят уйти и хотят защищаться, и не разберут, кто враг, кто приятель, на кого нападать и кого покровительствовать; днем они не докушивают обеда, ввечеру боятся искать развлечений, ночью внезапно вскакивают с постели: одним словом, беспорядок, суматоха, буря умов, волнение надежд и желаний, выюга страсти, грозная, неслыханная, ужасная — и все это по милости газет и журналов, мною созданных и руководимых! Не хвастая, ваша мрачность, я один более проложил людям путей к пагубе, чем все прочие мои товарищи».

Не правда ли, очень современно? Целиком приложимо к журналистике на Западе, а в наши дни, — специально к прессе расцветшей на развалинах Советского Союза.

ПРОРИЦАТЕЛИ

Раскроем книжку И. Лукаша «Выюга», изданную в 1936 году в Париже. В ней читаем, о временах февральской и октябрьской революций: «То, что раньше называлось Россией, стало чудовищно мутиться, и уже никто не знал толком, с кем он и против кого».

Совсем как в наши дни!

Так же как и слова дальше: «Все разъялось, распалось, полезло друг на друга в России».

Или вот возьмем пассаж из романа Б. Лазаревского «Одиночество», в сборнике «Темная ночь», опубликованного в Берлине в 1923 году: «Не так давно, в большом заседании, я слышал, как беженец из России,

человек очень богатый, убеждал публику, что только сам русский народ, голодный и темный, сможет и восстановить государство и выбрать форму правления. Этот господин говорил очень авторитетно и даже красиво и никто не возразил... А мне казалось, будто наш оратор утверждает, что слепой котенок скорее может найти дорогу, чем зрячая собака...»

Вот зарубежные непредрешенцы десятки лет твердили, что мол в России народ все решит. А как решать народу, который опять же более полувека дезинформировали, которому забывали голову абсолютной ложью, который в своей среде еле-еле мог вопросы политики обсуждать, — и уж никогда в печати! И на который теперь обрушили поток идей, предложений...

Тогда как эмиграция не имеет четких программ, а когда и имеет, не умеет их донести до масс в России! Одни солидаристы все предусмотрели, все запрограммировали, и шумно свои планы излагают, — ныне уже и по ту сторону порвавшегося Железного Занавеса. Но не дай Бог, чтобы их программа восторжествовала (что, по счастью, мало и вероятно...)! Ибо они, доподлинно «несут тиранам смену» и мечтают, на руинах компартии, установить власть своей партии, столь же деспотической и свирепой.

Савва Юрченко

РУССКИЙ КЛУБ ДРУЗЕЙ ПО ПЕРЕПИСКЕ

между православными русскими людьми, проживающими в России и за ее рубежами (переписка по интересам, в том числе и для заключения брачных союзов)

ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ СТАТЬ ЕГО ЧЛЕНОМ

Сообщите о себе:

- Фамилию, имя, отчество;
- семейное положение;
- круг интересов;

адрес для переписки, по адресу: 141090 Московская область, Большево-6, а/я 68, «Русские Братья», Россия.